

Евнух Фан повел Шэнь Юйхэна на аудиенцию к Сяо Хуаю, однако паланкин остановился вовсе не перед Залом Духовного Развития. Склонив голову и держа в руках метелку-хвост, старый слуга объяснил:

— Его Величество изволит отдыхать в недавно достроенном Лotosовом павильоне.

Шэнь Юйхэн действительно слышал, что в прошлом году Сяо Хуай, не поскупившись, опустошил государственную казну и потратил огромные средства на возведение этого чертога, предназначенного исключительно для любования цветами. Тогда многие порицали Императора за расточительность, хотя подобные излишества ни для кого не были в новинку. К тому же вскоре случилось бегство Сяо Ци из тюрьмы, так что о павильоне быстро позабыли. Кто бы мог подумать, что строительство уже завершено.

Шэнь Юйхэн безучастно кивнул. Паланкин еще какое-то время мерно покачивался, а голоса вокруг постепенно затихали, пока совсем не смолкли. Вокруг становилось безлюдно. Почему-то здесь было так холодно, что пробирало до костей.

Когда он вышел из паланкина, из Лotosового павильона пахнуло ледяным воздухом, отчего юноша невольно вздрогнул. Лotosы ведь любят тепло, откуда здесь такой холод?

Евнух Фан взмахнул рукой, и служанка поспешно удалилась. Вернулась она уже с небольшим глиняным кувшином вина, а следом за ней шла нянька с младенцем на руках. Кувшин тут же передали Шэнь Юйхэну.

— Это вино, которое требовал Его Величество, — сообщила служанка.

Едва он успел поудобнее перехватить сосуд, как нянька протянула ему дитя. Шэнь Юйхэн в суматохе прижал младенца к себе.

— Это Девятнадцатый принц, которого всего несколько дней назад родила супруга Юй, — пояснила нянька. — Его Величество желает видеть его.

«Раз уж Сяо Хуаю всё это понадобилось, почему бы вам самим не отнести?» — мысленно возмутился Шэнь Юйхэн. Он ведь пришел только ради золотой шпильки в виде лotosа, а теперь в его руках даже для шпильки места не осталось.

Шэнь Юйхэн готов был разрыдаться от досады, удерживая кувшин и младенца. Вместе с тем он ощутил, что с Лotosовым павильоном что-то не так: в этом огромном, если смотреть издалека, дворе не было ни души — ни одного слуги. Насколько хватало глаз, расстилался лишь покрытый легкой белой дымкой пруд с лotosами, за которым высился пышный терем.

Чжоу Юань, пришедший вместе с Шэнь Юйхэном, порывался последовать за ним, но евнух Фан преградил ему путь. Чжоу Юань тревожно вглядывался вглубь павильона, явно разделяя предчувствие, что это место таит в себе нечто зловещее.

Шэнь Юйхэн кивнул евноху Фану на прощание и в одиночку ступил под своды павильона. Сзади до него донесся едва различимый шепот служанок — они обсуждали, как ловко он держит младенца. Еще бы, ведь это его прежняя профессия! Если говорить о научном подходе к воспитанию детей, здешние няньки едва ли сравнятся с ним в профессионализме. Будь Сяо Цзинь сейчас таким же крохой, как этот малыш... Шэнь Юйхэн уж точно не оказался бы в таком невыгодном положении!

Он наклонился к младенцу, чьи черты лица уже смутно напоминали Сяо Хуая и Сяо Цзиня, и

скорчил забавную гримасу, чтобы развеселить его. Малыш в его руках заливисто защебетал и рассмеялся. Благодаря компании этого ребенка настроение Шэнь Юйхэна несколько улучшилось, и мрачная, гнетущая атмосфера лotosового пруда больше не давила на него так сильно.

За прудом высился мрачный двухэтажный терем. Внутренняя планировка здания оказалась весьма необычной: сразу за дверью начиналась извилистая, подобно змее, каменная тропа, по которой было одинаково трудно как пройти внутрь, так и выбраться наружу. На стенах этого прохода, как внутри, так и снаружи здания, были высечены затейливые узоры. Шэнь Юйхэн разглядел среди них триграммы Багуа, но не смог понять, предвестием чего они служат. Узкое, тесное и темное пространство напоминало сырой склеп. Здесь витал дух чего-то зловещего, внушая безотчетный, глубокий страх.

Пройдя каменный лабиринт, он очутился в сравнительно небольшом покое. Здесь было уже не так жутко: горели свечи, и их мягкий свет дарил хоть какую-то толику тепла. Перед ложем стояла точная копия сверкающего золотом императорского трона из главного зала дворца. Из позолоченной курильницы струился тонкий белый дымок. Сяо Хуай небрежно откинулся на спинку трона. Его распущенные длинные волосы почти полностью поседел и струились подобно серебряному водопаду. Облаченный в даосское одеяние, он сидел босиком; его бледное, исхудавшее тело словно растворялось в клубах благовоний. В этот миг он походил не на повелителя огромной империи, а на отшельника-небожителя, отрекшегося от мира.

Шэнь Юйхэн поставил кувшин с вином, бережно прижал к себе ребенка и слегка коснулся плеча Сяо Хуая.

— Ваше Величество, прилягте на ложе, отдохните, — тихо позвал он.

Сяо Хуай сидел с полузакрытыми глазами, казалось, готовый уснуть в любую секунду. Однако, услышав слова Шэнь Юйхэна, он лишь усмехнулся и тяжело вздохнул:

— Скоро этот трон займет Сяо Девятый. Если Я не посижу на нем сейчас, другого случая мне уже не представится.

Шэнь Юйхэн не посмел поддержать этот разговор и молча опустил голову, переключив внимание на младенца. Сяо Хуай приподнял изрезанное глубокими морщинами изможденное лицо и указал пальцем на дитя:

— Подойди, дай Мне взглянуть на него.

Шэнь Юйхэн сделал шаг вперед. Но стоило ему приблизиться, как ребенок залился истошным, надрывным плачем. Сяо Хуай ощупал тельце младенца и удовлетворенно улыбнулся:

— Похоже, и впрямь Моя плоть и кровь.

Шэнь Юйхэн поспешно отступил, убаюкивая дитя, но по его спине прошел необъяснимый холодок. Он вдруг вспомнил, кем была эта супруга Юй. Она никогда не числилась среди любимиц Императора, но у нее, как и у самого Шэнь Юйхэна, на воспитании находился чужой по крови сын.

Сяо Хуай вновь лениво откинулся на спинку трона и заговорил, словно сам с собой:

— На самом деле Я прекрасно знаю, как одиноко женщинам в глубинах императорских покоев. Я не могу уделить время каждой, так что уступить место другим — вполне естественно.

Супруге Юй тяжело дались эти роды, и Мне, разумеется, было искренне жаль ее. Но не успело пройти и нескольких дней, как они с тем человеком...

Лицо Шэнь Юйхэна постепенно каменело, а Сяо Хуай запрокинул голову и громко расхохотался.

— Не бойся, — он перебирал пальцами прядь волос Шэнь Юйхэна, и его голос дрожал от безумного возбуждения. — Я даже рад. Я похоронил их под одним персиковым компенсирующим деревом, исполнив их заветное желание быть вместе.

Под тяжестью императорской руки, опустившейся на плечо, Шэнь Юйхэн опустился на колени. Обливаясь холодным потом, он взмолился о пощаде, но Сяо Хуай лишь покачал головой. Его тыльная сторона ладони мягко скользнула по лицу юноши, касаясь его шелковистых, подрагивающих волос.

— Супруг Шэнь, Я знаю, что твоей вины здесь нет. Если бы у Меня не было этого негодника, Сяо Девятого, разве случилась бы столь нелепая дикость?

Император внезапно заговорил о прошлом. Он принялся рассказывать о детстве Сяо Цзиня, однако из-за болезни силы быстро покидали его, и речь то и дело прерывалась, становясь бессвязной и невнятной. Шэнь Юйхэн слушал его с предельным терпением. Сяо Хуай признался, что никогда толком не помнил, сколько у него детей. С некоторыми дочерьми и сыновьями, обделенными умом или выдающимися заслугами, он за всю жизнь не виделся ни разу. И лишь Сяо Цзинь... после одного происшествия этот сын навсегда врезался в память Императора.

Речь шла о том самом событии из оригинального романа, которое Шэнь Юйхэн уже видел во сне. В те годы еще совсем маленький Сяо Цзинь сумел в одиночку выкарабкаться с того света и той самой конопляной веревкой, которой его едва не задушили, лишил жизни старого евнуха, посмеявшегося осквернить тело его покойной матери. Во сне Шэнь Юйхэна маленький Сяо Цзинь безмятежно засыпал под чистым лунным светом. Однако наяву этот кошмар на том вовсе не завершился.

— ...Кто-то из проходивших мимо слуг запер двери Холодного дворца на замок. Позже, когда люди обнаружили, что Сяо Девятый всё еще заперт внутри, вся земля у порога была усыпана древесной щепой и обломками его собственных ногтей. В этих Богом забытых стенах, где не было ни единого рисового зернышка, он провел целых полгода. Любое другое дитя на его месте давно бы околело с голоду. Супруг Шэнь, ты ведь догадываешься, как именно он выжил?

Каменные плиты Холодного дворца дышали могильной стужей, там не могло расцвести ни единого цветка. Скучная сорная трава и мох хоть и росли повсюду, но прокормить живого человека на протяжении стольких месяцев они были не в состоянии. Значит, ему оставалось питаться лишь...

Шэнь Юйхэн вспомнил свой сон: маленькая фигурка Сяо Цзиня, прижавшаяся к остывающему телу матери в полосе лунного света. Кадык юноши судорожно дернулся. Сердце готово было выскочить из груди, но он не мог промолвить ни слова.

Сяо Хуай неверно истолковал его молчание и со вздохом произнес:

— Даже Мне, его отцу, этот малец внушал глубокое омерзение. Будь у Меня другой достойный преемник... Я бы ни за что не допустил, чтобы столь грязное отродье унаследовало Мою империю. Как жаль.

Шэнь Юйхэн ошеломленно уставился на него, не веря собственным ушам. Их взгляды на мир разделяла непреодолимая пропасть, но дело было даже не в этом: Сяо Хуай так и не понял, что виновником всех страданий и душевного уродства Сяо Цзиня был он сам.

Юноша лишился дара речи. Спустя несколько секунд гробовой тишины Сяо Хуай неожиданно приказал ему раскупорить кувшин. Шэнь Юйхэн хотел было сперва переложить маленького принца, но Император резким окликом велел ему держать ребенка. Шэнь Юйхэн недоумевал. Когда держишь младенца, важнее всего твердо стоять на ногах. Одной рукой баюкая малыша, он с огромным трудом ухитрился другой рукой сорвать крышку с кувшина. В ту же секунду в нос ударил резкий запах крепкого выдержанного вина, смешанный со странным, тошнотворным душком сырой земли.

Наморщив нос, он заглянул в темную глубь сосуда. Внезапно Шэнь Юйхэн оцепенел. В желтоватых бликах свечей, дрожащих на поверхности жидкости, ему смутно померещился силуэт... Он поспешно зажал рот ладонью, а его тело пробила крупная дрожь. Там была не одна змея, а две. Два длинных узких гада — черный и белый, и оба самцы. Вцепившись друг в друга пастьми, они сплелись в судорожном и омерзительном спаривании.

— В этом дворе слишком много скверны, повсюду шныряет нечисть... Если не изгнать злых духов и не оградить себя от беды, эти твари сожрут тебя заживо.

Сяо Хуай бесшумно вырос за его спиной и протянул ему острое лезвие:

— Хорошее дитя, Моему целебному вину не хватает лишь нескольких капель крови из самого сердца.

Шэнь Юйхэн на мгновение растерялся, не понимая, к кому обращено это ласковое «хорошее дитя», а потому не сразу сообразил, чью именно кровь требует Император. Хотя... кого он обманывал? Всё он прекрасно понимал. Юноша судорожно сжимал рукоять переданного ему кинжала. В ушах настойчивым набатом звучали понукания тирана и надрывался заходящийся в плаче младенец. Ему казалось, что он сам вот-вот лишится рассудка.

Юноша крепче перехватил оружие, и его взгляд, устремленный на Сяо Хуая, вмиг стал ледяным.

Система в панике завопила:

□Хост!□

— Я знаю, — мысленно отозвался он. Убивать он никого не собирался.

Шэнь Юйхэн замахнулся и со всей силы швырнул опасный клинок к самым дверям, как можно дальше от них. Серебристое лезвие с глухим стуком ударилось о тяжелую деревянную створку и с металлическим звонком отскочило на пол. После этого он глубоко, с облегчением выдохнул. За всё время пребывания во дворце он натерпелся столько обид от этого безумного семейства Сяо, что этот поступок стал для него возможностью выместить хотя бы крошечную долю накопившейся злости.

Видя, что оружие отброшено, Сяо Хуай не разразился гневом, однако его взгляд сделался угрожающе мрачным. Шэнь Юйхэн, крепко прижимая к себе ничего не понимающего маленького принца, поспешно отступил на несколько шагов. Под потолком, со стороны балок, донесся едва уловимый шорох, а за окнами промелькнули смутные силуэты. Шэнь Юйхэн не сводил глаз с Императора, опасаясь, что тот в любой момент призовет стражу, и по одному

лишь его слову голова полетит с плеч.

Он и сам не знал, откуда в нем взялась дерзость перечить правителю Поднебесной. Он ведь больше всего на свете дорожил собственной жизнью. Возможно, дело было в том, что Сяо Хуай стоял перед ним без императорского облачения, а может, виной всему был ребенок на его руках. Он — взрослый человек, и не мог бросить эту кроху на произвол судьбы.

Однако внимание Сяо Хуая уже переключилось. Сверху раздались отчетливые, более не скрываемые шаги. За окнами заметались тени, послышались глухие, резко обрывающиеся вскрики. Из этого едва различимого шума стремительно выросла кровавый вихрь безжалостной бойни. Шэнь Юйхэн в ужасе огляделся по сторонам. Нападение! В оригинальном романе Сяо Хуай должен был утонуть в императорском саду в ночь Праздника середины осени. Но сейчас был совсем другой день, да и находились они вовсе не в саду. Он никак не ожидал появления убийц и в панике сильнее прижал к себе младенца.

Сяо Хуай прикрыл веки. Когда же он вновь разомкнул их, его взор утратил былую муть; вся безумная жажда жизни и порочные желания словно испарились без следа. Его взгляд стал чистым и ясным, как у ребенка, созерцающего бездонное небо. Юноша увидел, как Император манит его к себе. И хотя возвращаться к нему не хотелось, из извилистого каменного прохода за спиной донесся тихий шорох — признак того, что кто-то стремительно приближается к покоям.

Подавив страх, Шэнь Юйхэн бросился к Сяо Хуаю. Старый, немощный правитель пугал его сейчас гораздо меньше, чем невидимые убийцы, бравшие их в кольцо. Если эти люди осмелились покуситься на жизнь самого Сына Неба, они точно не оставят в живых ни одного свидетеля.

— Супруг Шэнь, — мертвенно-бледные губы Императора оказались совсем рядом с его ухом, и до слуха донесся хриплый шепот: — А ведь ты Мне действительно нравился.

Шэнь Юйхэн: «...»

Нашел время для признаний!

Он окончательно убедился: у всего семейства Сяо напрочь отсутствовало чувство реальности и здравый смысл. Юноша лихорадочно озираясь, пытаясь отыскать в этой тесной комнатухе хоть какое-то укрытие для троих. Шкаф? Тот платяной шкаф выглядел довольно вместительным, туда вполне могли поместиться двое взрослых... А учитывая, какой Сяо Хуай костлявый, его и вовсе можно было считать за половину.

Шэнь Юйхэн протянул руку, намереваясь схватить Императора и увлечь за собой, но его пальцы наткнулись на что-то липкое и горячее. И среди этой струящейся теплой влаги прощупывалось нечто твердое. Юноша обернулся и оцепенел от ужаса: его ладонь была в крови, а из груди Сяо Хуая торчала шпилька.

Золотая шпилька-лотос вошла точно в сердце Императора. Густая кровь непрерывными толчками хлестала из раны и сочилась из уголков его губ, застывших в блаженной улыбке. Изящный золотой цветок казался кошмарным растением, проросшим прямо из его груди. В глазах Шэнь Юйхэна потемнело, к горлу подступила тошнота. В тот же миг со стороны входа раздались тяжелые шаги — убийцы ворвались в покои. Но юноша не мог сдвинуться с места, словно его ноги намертво приросли к полу.

Обернувшись, он увидел застывшие в дверях две фигуры в черных балахонах, чей пол

невозможно было определить. Нападавшие, узрев залитого чужой кровью юношу и бездыханного правителя, тоже замерли в замешательстве. Очевидно, подобная развязка не входила в их планы. В этот момент снаружи павильона поднялся шум, и до слуха Шэнь Юйхэна долетел знакомый голос. Это был Чжоу Юань. Тревожась за господина, которому предстояло наедине говорить с непредсказуемым монархом, евнух до последнего ждал его у входа. Должно быть, услышав отзвуки борьбы, он забил тревогу и позвал охрану.

— Уходим! — скомандовал один из нападавших.

Профессионалы своего дела, они мгновенно сориентировались: ворвались в покои и, выбив оконную раму, растворились в ночной темноте.

Но Шэнь Юйхэн бежать не мог. Из коридора доносился топот множества ног и прерывистое, полное паники дыхание Чжоу Юаня. Вторжение в личный павильон правителя каралось смертью, а уж если стража сочтет это покушением на Сына Неба, казни не избежать. Тем не менее за то время, что они были знакомы, Чжоу Юань искренне привязался к своему господину и теперь рисковал жизнью, боясь, что тот падет от рук наемников. Шэнь Юйхэн прекрасно понимал: ему отсюда не вырваться. Извилистый проход Лotosового павильона был единственным путем внутрь и наружу. И даже если здесь существовали потайные выходы, он о них ничего не знал.

На щеку младенца упала капля крови Сяо Хуая. Она еще оставалась теплой, и ребенок с любопытством тянул к ней крошечные пальчики, пытаясь размазать. Шэнь Юйхэн краем своего рукава бережно стер его личико и вытер руки.

Ворвавшийся в палату Чжоу Юань, пытавшийся сдержать его евнух Фан и отряд подросших гвардейцев — все они застыли на пороге. Слова застряли у них в горле, развеянные ледяным ветром, пропитанным ароматом лотосов.

Сяо Хуай покоился на золотом троне с безмятежной улыбкой на губах, а его светлое даосское одеяние окрасилось багровыми цветами пролитой крови. Рядом с ним неподвижно стоял Шэнь Юйхэн, баюкая младенца. И та самая рука, которой он только что нежно укачивал дитя, теперь была обгажена зловещей кровью Императора.

Этот безмолвный маленький ад стал последним и самым страшным прощальным даром, который преподнес ему усопший правитель.

<http://bllate.org/book/17965/1734744>